

УДК 34

Двойные косвенные иски в праве Российской Федерации: проблемы и перспективы развития

Степанянц Александр Каренович

Студент,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: stepaniants.a@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу института двойных косвенных исков в российском корпоративном праве. Автор исследует правовую природу требований, предъявляемых бенефициарными владельцами или материнскими компаниями от имени дочерних обществ, используя сравнительно-правовой метод и анализ судебной практики РФ, США и Франции. В работе выявлены существенные пробелы и противоречия действующего регулирования, ограничивающие возможности эффективного корпоративного контроля. Демонстрируется, что формальный запрет подобных исков лишает корпоративные структуры важного инструмента внутреннего управления. Предлагается закрепить множественные производные иски в ГК РФ, ввести процедуру обязательного «demand» и процессуальные фильтры добросовестности, что позволит сбалансировать защиту интересов общества и предотвращение злоупотреблений.

Для цитирования в научных исследованиях

Степанянц А.К. Двойные косвенные иски в праве Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 168-182.

Ключевые слова

Производные иски, корпоративное право, корпоративный контроль, бенефициарные владельцы, материнские компании, дочерние общества, процедура demand, добросовестность, сравнительное правоведение.

Введение

В условиях усложняющихся холдинговых структур и роста роли конечных бенефициаров российское законодательство до сих пор не содержит прямых норм о двойных (множественных) производных исках. Отсутствие регулирования приводит к пробелам в правовом статусе бенефициарного истца и к противоречивой судебной практике, колеблющейся между формальным отказом и точечным признанием таких исков судами высшей инстанции. В результате корпорации лишены эффективного внутреннего механизма контроля за злоупотреблениями менеджмента, а правовая неопределённость снижает инвестиционную привлекательность и подрывает предсказуемость деловой среды.

Изучение и законодательное закрепление двойных косвенных исков становится насущной задачей для обеспечения баланса между автономией юридического лица и реальной защитой интересов его собственников.

Цель исследования. Работа направлена на комплексный анализ проблемы двойных косвенных исков в российском праве, сопоставление отечественного положения дел с практикой США и Франции и выработку конкретных предложений по внесению изменений в ГК РФ и процессуальное законодательство, включая введение обязательного demand-требования и фильтров добросовестности для бенефициарных истцов.

Косвенный иск участника корпорации представляет собой особый правовой механизм, позволяющий участнику хозяйственного общества защищать интересы самого общества путем предъявления требований к недобросовестным руководителям или другим лицам, причинившим ущерб компании. При этом участник действует от имени общества, а взыскание убытков производится в пользу юридического лица. Двойной косвенный иск – это разновидность данного механизма, когда с требованием, например о возмещении убытков, обращается не прямой участник общества, а иное лицо, косвенно связанное с компанией, прежде всего бенефициарный собственник, имеющий опосредованный имущественный интерес в эффективном управлении этой компанией. Иными словами, двойной (или множественный) косвенный иск предполагает многоуровневую структуру участия: истец не является непосредственным акционером (участником) того общества, в чьих интересах предъявляется требование, но косвенно владеет им (через цепочку компаний) либо контролирует его действия. Такой механизм направлен на расширение круга лиц, наделенных правом действовать в качестве представителей юридического лица в суде.

В российском праве вопрос допустимости двойных косвенных исков остается дискуссионным и не до конца урегулированным. Отечественное законодательство прямо не упоминает о праве бенефициарных владельцев или иных лиц, не являющихся прямыми участниками, предъявлять иски в интересах компании, что порождает неопределенность правовой природы этого института и неоднородность судебной практики. Цель данной работы – провести комплексный анализ проблемы двойных косвенных исков, выявить ключевые пробелы и противоречия российского регулирования, а также изучить зарубежный опыт (США и Франция) в сфере производных исков. На основе этого предлагаются конкретные меры по совершенствованию российского законодательства с учетом выявленных проблем и лучших зарубежных практик.

Двойные косвенные иски в законодательстве и судебной практике РФ

Институт косвенного иска был закреплен в российском законодательстве в ходе реформы гражданского законодательства 2013–2014 гг. Гражданский кодекс РФ (п. 1 ст. 65.2) прямо наделил участника корпорации правом требовать от имени общества возмещения убытков, причиненных корпорации, либо оспаривать сделки, совершенные корпорацией, и требовать применения последствий их недействительности. Такие иски участник предъявляет от имени юридического лица в интересах этого лица, хотя фактически защищает и свои права как участника. Арбитражный процессуальный кодекс РФ относит подобные споры к корпоративным: в частности, споры по искам участников о возмещении убытков юридическому лицу и о признании недействительными сделок юридического лица прямо включены в категорию корпоративных споров, подсудных арбитражным судам (пп. 3 п. 1 ст. 225.1 АПК РФ). Процессуальное законодательство также установило некоторые особенности таких исков – например, обязательное заблаговременное уведомление других участников и самого общества о намерении обратиться в суд (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ) и запрет повторного предъявления тождественных требований иными участниками, не присоединившимися к первоначальному иску (там же, абз. 2 п. 2 ст. 65.2).

Однако все указанные нормы адресованы исключительно участникам (акционерам) данной корпорации. Лица, не являющиеся прямыми участниками общества (бенефициарные владельцы через цепочку компаний, материнские компании и т.д.), формально не наделены законом правом предъявлять иски от имени этого общества. Законодательство РФ не предусматривает специальной нормы о двойных или множественных косвенных исках – такая конструкция прямо не упомянута ни в ГК РФ, ни в специальных законах об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, ни в процессуальных кодексах. Как отмечается в литературе, данный пробел в регулировании существует давно и пока не устранен: «несмотря на частое обсуждение в экспертных кругах... законодатель не обеспечил необходимое правовое регулирование двойных (множественных) косвенных исков». По сути, отсутствует определенность в правовой природе статуса бенефициарного собственника при обращении с таким иском: не ясно, признается ли он надлежащим представителем (истцом) от имени дочерней компании либо должно использоваться какое-то иное основание для его легитимации в процессе.

Указанный пробел в законодательстве породил неоднозначную практику судов, особенно в период до недавнего времени. Традиционный подход арбитражных судов заключался в строгом следовании принципам обособленности юридического лица и формальному критерию участия: иски, предъявленные лицами, не являющимися участниками данного общества, как правило, не принимались судами, мотивировка сводилась к отсутствию у истца прав на обращение с подобным требованием. Так, известен пример дела ООО «Разрез Аршановский» (А74-3619/2018), где бенефициарный владелец попытался взыскать убытки с менеджмента дочернего общества. Суды трех инстанций отказали в иске, указав, что истец не является участником данного общества, а потому не имеет права оспаривать действия его органов или требовать возмещения ущерба. Данное решение подверглось критике в доктрине как излишне формальное и не учитывающее имущественные интересы конечного собственника бизнеса. По мнению специалистов, суды фактически игнорируют экономическую реальность холдинговых групп, ставя во главу угла сугубо юридическую конструкцию участия. В результате бенефициарные

собственники на практике долгое время не могли защитить свои интересы и интересы подконтрольных им компаний от злоупотреблений менеджмента, если формально не являлись акционерами уровня дочернего общества.

Одновременно существовал иной подход, наметившийся сначала в отдельных судебных актах высших судов. Так, еще в 2016 г. Верховный Суд РФ в деле М. Москалёва (конечного бенефициара ЗАО «Аспект-Финанс») фактически встал на защиту прав бенефициарного владельца. Москалёв, не будучи прямым акционером дочерней компании, оспаривал решения общего собрания акционеров дочернего общества, которые привели к утрате им контроля над компанией (назначение нелояльного директора и последующую продажу активов). Первые три инстанции отказали ему, указав, что по Закону об АО право оспаривать решения собрания есть только у акционеров. Однако Судебная коллегия ВС РФ отменила эти решения и направила дело на новое рассмотрение, указав прецедентно, что следует учитывать нормы ГК РФ о ничтожности решений собраний и позицию Конституционного Суда: оспаривать решение могут не только акционеры, но и иные лица, для которых оно повлекло юридические последствия. Фактически Верховный Суд признал за конечным бенефициаром право требовать признания недействительным решения, затрагивающего его права как владельца холдинга. После повторного рассмотрения по указаниям ВС требования Москалёва были удовлетворены: суды признали его конечным собственником, чьи права нарушены решением собрания, и подтвердили его законную заинтересованность в управлении дочерней компанией. Этот прецедент стал важным сигналом: хотя формально ВС опирался на специальные нормы (ст. 181.4 ГК РФ о решениях собраний) и говорил об оценке последствий решения, по существу был сделан вывод о возможности защиты прав лица с опосредованным участием [Кантор, 2024, 140-143].

Тем не менее, впоследствии судебная практика оставалась противоречивой. В большинстве случаев суды продолжали отказывать бенефициарам в праве на иск к руководству дочерних обществ, ссылаясь на отсутствие прямого указания закона. Основной аргумент – законодатель прямо не предоставил такого права лицам без статуса участника, а допущение обратного якобы нарушало бы принцип автономии воли непосредственных участников общества и принцип независимости юридического лица. Высказывалась также обеспокоенность потенциальными злоупотреблениями: некоторые судьи и авторы полагали, что допуск бенефициарных владельцев к таким искам создаст риск недобросовестного давления на менеджмент или миноритариев, возможность «парализовать» деятельность компании множественными процессами. Например, отмечалось, что косвенный иск может быть использован конфликтующим собственником для захвата контроля, и российское право сознательно этого не допускает, требуя строгого соответствия статусу участника.

В последние годы позиция высшей судебной инстанции эволюционирует в сторону большего учета интересов бенефициарных собственников, однако с оговорками. Поворотным моментом стало определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-13487 (дело об оспаривании решения собрания участников дочернего общества лицом – участником материнской компании). В этом деле Верховный Суд сформулировал принципиально новую оговорку: он подтвердил общее правило, что решения органов общества могут оспариваться только его непосредственными участниками и что в обычной ситуации лица с косвенным (вторым и далее порядком) интересом не вправе этого делать во избежание вмешательства в частные дела других собственников. Однако ВС указал, что в исключительных случаях допускается подача исков от имени компании, в которой у лица

есть лишь опосредованный интерес (а равно исков об оспаривании решений ее органов), если доказана невозможность защитить свои права обычными средствами в пределах того общества, где истец является прямым участником. Иными словами, если бенефициарный владелец докажет, что он лишен эффективных механизмов влияния на ситуацию через материнскую компанию, суд может принять его иск в интересах дочерней структуры. В качестве примера Верховный Суд упомянул санкционные ограничения – когда, например, из-за санкций или иных препятствий юрисдикции участник не может реализовать права в отношении материнской компании. Фактически введено критерий «заведомой невозможности защиты своих прав» и тем самым сделано важное исключение из прежнего запрета.

Данное разъяснение можно рассматривать как осторожное признание института множественных косвенных исков на уровне судебной практики, пусть и в ограниченных ситуациях. Таким образом, на сегодняшний день в России сосуществуют две линии: строгая (формальная) – требующая прямого участия истца в капитале общества, и гибкая (исключительная) – допускающая иск бенефициара при наличии особых обстоятельств, исключающих иные способы защиты. Остается, однако, нерешенным вопрос о том, каким образом реализовать такую возможность на практике без соответствующих законодательных норм. Нет ясности, каков процессуальный статус бенефициарного истца, требуется ли специальное подтверждение его полномочий действовать от имени дочерней компании (по аналогии с доверенностью или корпоративным представительством по ст. 182 ГК), какие доказательства должны подтверждать «невозможность защиты» и т.п. Все эти пробелы и неопределенности снижают предсказуемость правоприменения и требуют скорейшего вмешательства законодателя или подробных разъяснений Пленума ВС РФ. Российская доктрина указывает на необходимость выработки единого подхода, так как сейчас наблюдается разноречивость: от полного неприятия множественных исков до их частичного удовлетворения судами верховного уровня. Ниже, для поисков оптимального решения, будет рассмотрен опыт зарубежных правовых систем, где институт производных исков (в том числе многоступенчатых) имеет длительную историю развития [Белова, Макин, 2019].

Зарубежный опыт регулирования производных исков (США и Франция)

Общая характеристика и правовая природа. В праве США иски акционеров в интересах компании (shareholder derivative actions) являются давно укоренившимся механизмом защиты корпораций от злоупотреблений со стороны инсайдеров. Американские суды еще в начале XX века признали право акционера выступать от имени компании, если руководство бездействует, определив природу такого иска как двойственную. Так, Верховный суд США указал, что косвенный (производный) иск имеет «двойную природу»: он представляет собой совокупность двух требований – (1) требования акционера к самой компании о предоставлении ему права защитить ее интересы, и (2) требования (уже от имени компании) к виновным лицам о возмещении ущерба. По сути, акционер, подавая иск, «становится на место корпорации», добиваясь защиты прав самой корпорации, а не своих личных (все взысканное поступает в имущество компании). Такая концепция обеспечивает баланс между принципом самостоятельности юридического лица и необходимостью препятствовать злоупотреблениям директоров: акционер действует как опосредованный истец, а выигрыш от иска получает корпорация, тем самым восстанавливается нарушенное право компании.

Американское право (в основном прецедентное право штатов, особенно штата Делавэр, и нормы Гражданского судопроизводства) выработало строгие критерии приемлемости деривативных исков, которые направлены на предотвращение злоупотреблений и защиту интересов самой корпорации. К ключевым условиям относятся:

Статус и доля участия акционера. Любой акционер компании вправе инициировать производный иск, причем обычно не устанавливается минимального порога доли участия – даже миноритарий с одной акцией может выступить истцом. Главное требование – истец должен быть акционером на момент нарушения и сохранять этот статус вплоть до завершения процесса (так называемое правило постоянного владения акциями). Потеря статуса акционера, например в результате слияния или поглощения компании, как правило, лишает истца права на продолжение иска. В прошлом это позволяло директорам выводить дело из-под удара путем реорганизаций, однако суды выработали исключения (если слияние было затеяно с мошеннической целью избавиться от иска, и др.). Кроме того, для многоступенчатых ситуаций американское право признает *double derivative suits* – иски, где акционер материнской корпорации предъявляет требование за дочернюю компанию. В недавнем деле *Lambrecht v. O’Neal* (Delaware Supreme Court, 2010) верховный суд Делавэра прямо подтвердил, что акционер родительской компании может взыскивать ущерб, причиненный дочернему обществу, даже если он не владел акциями дочернего на момент нарушения. Суд разъяснил, что после поглощения дочерней фирмы право требования (иск) становится активом материнской компании, и акционер, подавая двойной деривативный иск, фактически реализует право самой материнской корпорации. Следовательно, достаточно, чтобы истец на момент подачи иска был акционером материнской структуры – владеть акциями дочерней в момент нарушения не требуется. Такой подход направлен на то, чтобы недобросовестные руководители не уходили от ответственности за злоупотребления в дочерних обществах путем корпоративных перестроек. Делавэрское право тем самым поощряет использование двойных производных исков в качестве средства посткорпоративной защиты интересов компании [Решение Верховного суда штата Делавэр по делу *Lambrecht v. O’Neal*, 2010].

Претензионный порядок (требование к совету директоров). Важнейшей особенностью американской модели является требование *demand* – перед обращением в суд акционер должен официально потребовать от совета директоров самой корпорации принять меры (возбудить иск) против нарушителей. Только если совет директоров необоснованно откажется или если акционер убедительно докажет, что такой запрос был бы заведомо бесполезен (например, потому что все директора сами замешаны в нарушении – *futility*), иск допускается напрямую в суд. Эта процедура отражена, в частности, в Правиле 23.1 Федеральных правил гражданского процесса США и соответствующих нормах законов штатов. Акционер обязан в исковом заявлении подробно изложить либо факты направления требования и отказа совета, либо факты, свидетельствующие о конфликте интересов совета (т.е. почему требование было бы бессмысленно). Невыполнение данного условия ведет к отклонению иска как преждевременного. Таким образом, закон стимулирует первоначально задействовать внутренние корпоративные механизмы – ведь иск все равно принадлежит компании, и идеальный вариант, если сама компания (через органы управления) решит пресечь злоупотребление, не доводя дело до суда. Исключение из требования *demand* делается, когда очевидно, что директорский состав не может беспристрастно рассматривать претензию (например, большинство директоров – потенциальные ответчики). В практике Делавэра выработаны критерии *demand futility*, т.е. когда требование не нужно предъявлять. Это, по сути,

своего рода критерий допустимости иска: суд на ранней стадии оценивает, достаточно ли истец обосновал бесполезность обращения к директорам.

Контроль за ведением дела и одобрение суда. Даже после допуска производного иска американские суды контролируют, соответствует ли продолжение процесса интересам самой корпорации. Совет директоров (в особенности новый состав, если он не причастен к нарушениям) может создать специальный комитет независимых директоров (*Special Litigation Committee*), который изучит обстоятельства и может прийти к выводу, что продолжение иска нецелесообразно для компании (например, из-за ущерба деловой репутации или высоких издержек). Если такой комитет решает отказаться от иска, суд проверит добросовестность и разумность этого решения (применяется т.н. *Zapata-тест*, установленный в *Delaware Supreme Court*, 1981). Суд может удовлетворить мотивированное ходатайство об прекращении дела, если убедится, что это реально отвечает интересам корпорации. Кроме того, любое мировое соглашение по производному иску подлежит одобрению судом и уведомлению остальных акционеров, чтобы предотвратить кулуарные сговоры. Таким образом, процессуальные механизмы США нацелены на то, чтобы иск действительно служил интересам корпорации, а не только частным целям акционера-истца. Отметим, что в случае успешного исхода процесса все выигранные суммы поступают в казну компании, а акционер может лишь ходатайствовать о возмещении расходов на адвокатов (премия за общественно полезное дело), что еще раз подчеркивает представительную природу такого иска [*Corporate and Securities Law — Section 14(A) Violations — Ninth Circuit Enforces Forum Selection Clause Blocking Derivative Suits*, 2024].

Опыт США демонстрирует, что деривативный иск рассматривается как важный инструмент корпоративного управления и контроля, но окружен строгими фильтрами против недобросовестного или необоснованного использования. Концепция двойной природы иска, сформулированная ВС США, близка российскому пониманию (представление интересов общества участником). Важным для российской дискуссии является и то, что американское право допускает многоуровневые (*double derivative*) иски, не требуя буквального соблюдения формальных критериев (акционер материнской компании вправе защищать права дочерней при определенных условиях). Вместе с тем, в США четко отстроены процессуальные заслоны, гарантирующие, что такой иск подается в исключительных ситуациях и там, где действительно менеджмент нарушил свой долг. Российскому законодателю, рассматривающему возможность легализовать двойные косвенные иски, имеет смысл учесть американский подход: предусмотреть обязательное досудебное обращение к непосредственным участникам/органам общества; дать судам право прекращать дело, если оно невыгодно самому юристу; а также, возможно, регламентировать особый порядок, предотвращающий злоупотребления (например, ввод требования о добросовестности бенефициарного истца, критерии достаточного интереса и т.п.). В целом, США показывают пример баланса: акционерская деривативная судебная активность поощряется как «частный генеральный прокурор» в корпоративных делах, но регулируется во имя защиты корпорации от излишнего вмешательства.

Правопорядок Франции представляет интерес как пример развитой континентальной системы, которая, хоть и отличается от англо-американской, также предусматривает механизм иска акционера от имени общества. Французское корпоративное законодательство традиционно оперирует понятием “*action sociale*” (общественный иск), подразделяя его на две категории: *action ut universi* – иск, предъявляемый самой компанией через ее органы (например, новый управленец судится с бывшим директором за причиненные убытки), и *action ut singuli* – иск, предъявляемый отдельным акционером в интересах компании. Последний как раз и

соответствует производному иску в нашем понимании.

Институт *action sociale ut singuli* имеет во Франции длительную историю: еще закон 1867 года о акционерных обществах признал право миноритариев действовать от имени общества, если оно само бездействует. В настоящее время его основы закреплены в нормах Французского коммерческого кодекса. Так, для публичных акционерных обществ (*sociétés anonymes*) статья L.225-252 *Code de commerce* прямо гласит, что каждый акционер имеет право самостоятельно (без какого-либо решения собрания) предъявить иск к директорам от имени общества о возмещении убытков, причиненных обществу. Аналогичные положения действуют и для других организационно-правовых форм (для обществ с ограниченной ответственностью, например, установлено право любого участника требовать возмещения вреда, причиненного обществу руководителями). Французская доктрина подчеркивает, что производный иск носит универсальный характер и может быть подан любым акционером, независимо от доли участия. Нет требований о минимальном пороге владения акциями или согласии других акционеров. Это выгодно отличает французскую модель, например, от германской, где установлен фильтр (не менее 1% капитала или акция определенной стоимости для инициирования производного иска). Во Франции акционер действует индивидуально, “в одиночку” (*ut singuli*), отстаивая интерес общества [Рагниссо, 2025, 28-30].

Процессуальные особенности во Франции при этом достаточно простые. Акционеру не требуется предварительно обращаться к органам управления с требованием подать иск – французское право рассматривает *action ut singuli* как субъективное право самого акционера. В отличие от модели *demand* в США, французский акционер может сразу идти в суд, если считает, что обществу причинен ущерб бездействием или виновными действиями директоров. Директора не могут воспрепятствовать этому, и даже если общее собрание акционеров большинством решит освободить дирекцию от ответственности, миноритарий все равно вправе предъявить иск от имени общества (такие решения собрания не влияют на *action sociale*). Таким образом, *derivative action* во Франции – это напрямую реализуемое правомочие каждого акционера. Французские суды при рассмотрении подобных споров исходят из того, что истец фактически представляет общество, а потому присужденное возмещение поступает на баланс компании, а не самому акционеру (аналогично общей природе производного иска). Акционер несет судебные издержки сам и получает выгоду лишь опосредованно, через рост стоимости компании после возмещения ущерба. Никакого специального разрешения суда на подачу иска не требуется, что отличается, например, от английской модели (в Великобритании после реформы 2006 г. необходимо пройти стадию разрешения суда на продолжение *derivative claim*). Во Франции же *action ut singuli* считается обычным судебным процессом, иницированным акционером, и в процедуре нет *sine qua non* фильтров.

Следует отметить, что хотя формальных препятствий для косвенных исков во Франции нет, на практике такие иски не слишком часты. В литературе указывается, что миноритарии относительно редко прибегают к искам *ut singuli*, во многом из-за ментальных и финансовых факторов: судебные тяжбы дорогостоящи, а выгода для истца непрямая (все достанется обществу). Кроме того, во французской корпоративной культуре более распространены иные формы защиты (обжалование решений общих собраний, иски о злоупотреблении правами большинства и пр., которые также в некоторой степени защищают меньшинство). Тем не менее, прецеденты имеются, и закон гарантирует акционеру возможность притягивать к ответственности директоров. Например, известны случаи, когда группы миноритариев через *action ut singuli* взыскивали ущерб с менеджеров, совершивших грубые нарушения, несмотря на

пассивность самой компании.

Для темы двойных косвенных исков важно понять, как французское право отнеслось бы к ситуации *beneficial owner* или многозвенной структуре. Формально, право *action ut singuli* принадлежит именно акционерам данного общества. Лицо, не включенное в состав акционеров, не может непосредственно подать такой иск. То есть понятие бенефициарного собственника (конечного выгодоприобретателя акций, не отраженного в реестре) законодательством о компаниях не оперирует. Если собственник владеет компанией опосредованно через другие фирмы, ему для подачи иска необходимо воздействовать на ту фирму, на балансе которой находятся акции. Однако во французской юрисдикции возможны определенные обходные пути: например, если материнская компания отказывается преследовать нарушителей в дочерней, конечный бенефициар (акционер материнской) теоретически мог бы предъявить требования к директорам материнской за бездействие, повлекшее ущерб дочерней и, как следствие, снижение стоимости активов материнской (т.е. убытки для материнской). Таким образом, через иск в адрес директоров материнской структуры можно попытаться достичь компенсации косвенного ущерба. Тем не менее, это уже будет прямой иск (*action individuelle*) акционера материнской компании о личном ущербе (падении стоимости доли), а такие иски во Франции принимаются только если ущерб не является простым отражением ущерба, причиненного самой компанией. В случае же потерь дочернего общества снижение ценности акций материнского обычно как раз признано отражательным (производным) вредом, который не подлежит взысканию в прямом порядке самим акционером. Поэтому стандартные механизмы французского права не предполагают многоуровневых косвенных исков: требуется на каждом уровне действовать акционерам соответствующего общества [Lescourt, 2023].

Подводя итог по Франции, можно выделить следующие черты: (а) круг субъектов максимально широк – любой акционер может выступить с иском от имени общества без минимальных порогов; (б) нет требования предварительного обращения к самой компании – акционер вправе сразу судиться от имени общества, преодолевая бездействие директоров; (в) цель – возмещение компании, а не акционеру, что концептуально сближает ситуацию с российским косвенным иском участника. Для российской проблематики французский опыт интересен тем, что подтверждает: производный иск может эффективно существовать и в континентальной системе без подрыва принципа отдельной юрисдикции. Закон прямо разрешает акционерам защищать интересы АО, рассматривая это как часть корпоративных прав. Вместе с тем, французский подход к многоуровневым структурам более консервативен – бенефициарные владельцы, не оформленные как акционеры, прямо не получают процессуальных прав. Это говорит о том, что в отсутствие специального регулирования (как во Франции) конечным собственникам приходится использовать косвенные пути юридической техники, либо терпеть риски. Возможно, по мере развития транснациональных групп и усложнения владения вопрос о двойных косвенных исках актуализируется и во французском праве.

Проблемы российского регулирования и предложения по его совершенствованию

Проанализировав отечественную практику и сравнив ее с зарубежными подходами, можно сформулировать ряд основных проблем в регулировании двойных косвенных исков в России:

Неопределенность правовой природы и статуса бенефициара-истца. Закон не отвечает, кем

является бенефициарный владелец, предъявляющий иск за компанию является: представителем по закону, особым случаем процессуальной соучастия, или вовсе не надлежащим истцом. Это методологическое упущение порождает споры и противоречивые решения судов. Нет согласованного мнения, можно ли по аналогии распространить на бенефициара правила о косвенном иске участника или требуются новые нормы.

Формализм и расхождение судебных подходов. Одни суды строго требуют статуса участника, другие (ВС РФ) уже готовы признавать исключения. Такая неоднородность практики подрывает предсказуемость правоприменения и создает риск необоснованного отказа в защите добросовестному лицу или, наоборот, допуска недобросовестных действий. Принципиальный вопрос – приоритет формального критерия участия vs. материального критерия интереса. Пока законодатель не высказался, каждый суд решает сам, чем руководствоваться, что недопустимо в важных корпоративных спорах.

Пробелы процессуального характера. Даже допуская теоретически двойной иск, суды не имеют четких процессуальных рамок: как оформлять полномочия бенефициара действовать от имени дочерней компании (ведь обычно иск подписывает сама компания или ее представитель)? Также существует вопрос, нужно ли привлекать к участию в деле непосредственного участника (материнскую компанию) или саму дочернюю компанию в качестве стороны и какие обеспечительные меры возможны. Эти вопросы законом не урегулированы, что создает процессуальные парадоксы и может вести к затягиванию дела или его прекращению по формальным основаниям.

Отсутствие прямых гарантий против злоупотреблений. Опасения, озвучиваемые противниками института (например, что бенефициар будет чрезмерно вмешиваться, «давить» на руководство, инициировать безосновательные иски для конкурентной борьбы), в российском праве не парируются специальными нормами. Нет ни процедуры предварительной фильтрации исков, ни требований к истцу-бенефициару (добросовестность, наличие контрольного пакета и т.д.), ни возможности по усмотрению суда отказать в иске, если это явно невыгодно самому обществу. В результате суды, опасаясь потенциальных злоупотреблений, предпочитают вообще не открывать эту дверь, вместо того чтобы впустить, но контролировать.

Для преодоления указанных проблем представляется необходимым комплексное совершенствование российского законодательства и разъяснений высших судебных органов. С учетом изученного зарубежного опыта можно предложить следующие конкретные меры:

1. Прямое закрепление права на множественный косвенный иск в законе. В Гражданский кодекс РФ следует внести норму, расширяющую субъектный состав косвенных исков. Например, в ст. 65.2 ГК РФ после слов «участники корпорации вправе... предъявлять иски от имени корпорации» указать, что в случаях, прямо предусмотренных законом, таким правом могут обладать и иные лица, имеющие законный интерес в корпоративном управлении данной корпорацией. Далее отдельным федеральным законом (возможно, поправками в законы об АО и ООО) установить, что конечные бенефициарные владельцы (определяемые, например, через критерий владения определенной долей или контроля) вправе в исключительных обстоятельствах обращаться с исками от имени подконтрольных обществ. Это устранил сам пробел и даст судам четкий сигнал, что подобные иски могут быть допустимы. Альтернативный или дополнительный вариант – предусмотреть такое право для материнских компаний: т.е. участник материнского хозяйственного общества получает право предъявлять иск от имени дочернего общества, если материнское владеет контрольным пакетом дочернего. Такая конструкция больше ориентирована на юридических лиц (холдинги), но тоже позволит решать

проблему (бенефициар будет действовать через материнскую компанию как участник дочерней). Закон может выбрать один или оба подхода.

2. Установление условий и процедур подачи двойного косвенного иска. Опираясь на американскую практику и частично на логику ВС РФ (определение 2023 г.), стоит законодательно очертить обстоятельства, при которых допускается иск лица с опосредованным участием. В частности: (а) необходимость предварительного уведомления и требования – бенефициарный собственник должен потребовать от непосредственного участника (материнской компании) или от самой дочерней компании (в лице ее органов) защиты нарушенных прав. Только если в разумный срок меры не приняты или такой запрос объективно невозможен, бенефициар вправе обратиться в суд. Это аналог американского *demand*, адаптированный к многоуровневой структуре, и соответствует идее, высказанной ВС РФ (сначала попытаться защититься «на уровне общества, в котором прямой интерес»). (b) Критерий исключительности (невозможности защиты иным способом) – закон мог бы прямо указать, что иск допускается, если истец докажет невозможность защиты своих прав и интересов общества иными юридическими средствами. Например, как сформулировал ВС РФ, вследствие санкций или иных непреодолимых препятствий бенефициар не может воздействовать через обычные корпоративные процедуры, либо непосредственные участники (владельцы дочерней компании) сами причастны к нарушению либо аффилированы с нарушителями. Закрепление этого в законе придаст необходимую определенность и отсеет ситуации, где бенефициар фактически пытается «перескочить» через голову добросовестных участников. (с) Требования к бенефициарному истцу. Можно установить минимальный порог доли конечного владения (по аналогии с некоторыми зарубежными правовыми порядками). Например, право на иск имеет бенефициар, который косвенно владеет не менее, скажем, 25% долей (или 50%, или иным существенным размером) дочернего общества. Это гарантирует, что иск подает действительно значимый собственник, чьи интересы сильно страдают от злоупотребления. С другой стороны, очень высокий порог (50%+) сделает норму практически бесполезной, ведь контролирующий бенефициар и так способен сменить менеджмент напрямую. Возможно, оптимально 25% или 20% – чтобы охватить крупных миноритариев, но отсеять совсем мелких. Кроме доли, следует требовать раскрытия структуры владения: истец обязан представить убедительные доказательства, что он является тем самым конечным собственником (документы по цепочке компаний, данные бенефициарного учета и т.д.), дабы пресечь попытки посторонних лиц выдавать себя за таковых. (d) Процессуальные особенности – закон мог бы разъяснить статус сторон: что бенефициар выступает в процессе в интересах общества, само же общество привлекается в дело как третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований (либо как соответчик, если требуется придать формальную конструкцию, как, например, в некоторых англо-американских процессах, где компания – необходимый ответчик *nominal defendant*). Также нужно предусмотреть правило о недопущении параллельных исков: если один бенефициар подал иск, другой, обладающий тем же интересом, должен либо присоединиться, либо ему будет отказано в самостоятельном дублирующем иске (аналог уже имеющегося правила п. 2 ст. 65.2 ГК о тождественных требованиях).

3. Меры против недобросовестного использования. Чтобы адресовать опасения скептиков, в закон можно ввести судебный фильтр добросовестности. Например, предусмотреть, что по ходатайству ответчиков либо по инициативе суда может быть проверено, не злоупотребляет ли бенефициар правом на иск (ст. 10 ГК РФ). Если выяснится, что он преследует цели, явно противоречащие интересам общества (скажем, шантажирует менеджмент для выгоды, а не для

действительно восстановления убытков), суд вправе оставить иск без рассмотрения или прекратить производство. Конечно, данный критерий оценочный, но его наличие будет дисциплинировать истцов. Также можно обязать истца-бенефициара вносить обеспечительный платеж (депозит) на случай, если иск окажется заведомо бесперспективным и принесет компании лишь судебные издержки – этот механизм существует, например, в праве некоторых стран (в историческом плане во Франции ранее требовали депозита от миноритария, сейчас в ФРГ есть процедура допуска через суд, где могут учитывать риск издержек). В российском праве можно предусмотреть, что по требованию ответчика истец-бенефициар должен внести на счет суда определенную сумму, гарантирующую покрытие издержек ответчиков, если иск будет отклонен (похожее правило есть для исков о дисквалификации директоров в некоторых юрисдикциях). Это защитит менеджмент от совершенно необоснованных исков-вымогательств.

4. Разъяснения высших судов и обобщение практики. Параллельно с изменениями закона, Верховному Суду РФ целесообразно подготовить постановление Пленума или Обзор практики, посвященный косвенным искам, включив туда раздел о множественных исках. Необходимо официально подтвердить то направление, которое уже наметилось в определениях 2016 и 2023 гг.: при определенных условиях бенефициарный владелец может защищать права дочернего общества. Желательно сформулировать критерии во внесудебном порядке, чтобы нижестоящие суды получили ориентир. Например, Пленум мог бы указать, что если прямой участник (материнская компания) полностью контролируется истцом-бенефициаром либо препятствует восстановлению нарушенных прав, суд может признать за бенефициаром право действовать от имени дочерней компании. Также важно разъяснить, что бенефициарный владелец – физическое лицо не вступает в корпоративные правоотношения непосредственно, но его имущественный интерес при определенных обстоятельствах подлежит судебной защите, исходя из принципов добросовестности и запрета злоупотребления правом (ст. 1, 10 ГК РФ). Это создаст единообразие: сейчас одни судьи ссылаются на п. 1 ст. 1 ГК (невмешательство) как запрет на бенефициарные иски, а другие – на ст. 10 ГК (запрет злоупотребления правом) как основание пресечь уклонение директоров от ответственности. Верховный Суд может и должен расставить акценты, например, указав, что защита законных интересов бенефициаров, лишенных иных средств, не противоречит принципу автономии участников, если соблюдены предусмотренные условия.

Кроме того, совершенствование судебной практики может включать внедрение некоторых процедур аналогично иностранным: например, по сложным спорам рекомендовать назначение экспертизы для оценки, выгоден ли иск самому обществу (чтобы не навредить ему больше). Если экспертиза или оценка специального представителя покажет, что требования скорее принесут вред компании (репутационный или финансовый), суд может отказать в удовлетворении, даже если формально факт нарушения был (это тонкий инструмент, применяемый, например, судами штата Нью-Йорк – *the best interest of the company test*). Российский суд, конечно, связан заявленными требованиями и не может произвольно отказывать в иске, если нарушение доказано, но в рамках усмотрения при выборе мер ответственности или размера возмещения он мог бы учитывать интересы компании – например, уменьшить компенсацию, если чрезмерное взыскание разорит дочернюю фирму и тем самым ударит по всем участникам.

5. Закрепление понятий “бенефициарный собственник” и “контролирующее лицо” в корпоративном праве. Наконец, комплексное решение проблемы требует большей прозрачности структуры владения. Закон о корпоративных отношениях мог бы ввести понятие

конечного контролирующего лица (*de-facto owner*) применительно к хозяйственным обществам. Уже сейчас есть смежный институт – «лица, контролирующие компанию» для целей субсидиарной ответственности (в банкротном праве) и аффилированности. Можно расширить его и на корпоративные иски: признавать, что лицо, обладающее правом контроля (например, через договорные связи или через последовательность юридических лиц), может в определенных случаях рассматриваться как носитель корпоративных прав. Этот шаг повысил бы определенность: бенефициарного владельца не пришлось бы «подгонять» под фигуру участника – он сам стал бы особым субъектом корпоративных отношений. Разумеется, это новаторская идея, требующая тщательной проработки, но мировой тренд идет к раскрытию бенефициаров и приданию их правам юридического значения (например, в Великобритании институт *Person of Significant Control*). В контексте косвенных исков подобное нововведение позволило бы прямо дать бенефициару инструмент защиты подконтрольной компании, не разрушая базовых принципов, а эволюционно дополняя их.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем: совершенствование законодательства о косвенных исках – насущная задача, учитывая усложнение корпоративных структур и рост трансграничных холдингов в российской экономике. Предложенные меры направлены на устранение пробелов и противоречий, выявленных в первой части, а также на гармонизацию нашего права с лучшими практиками. Зарубежный опыт, проанализированный во второй части, подтверждает, что предоставление миноритариям и конечным собственникам разумных средств правовой защиты не только справедливо, но и полезно для оздоровления корпоративного управления в целом. Российский законодатель может, избежав чужих ошибок, внедрить у себя сбалансированную модель: разрешить двойные косвенные иски в ограниченных случаях, подкрепив это фильтрами от злоупотреблений и четкой процедурой. В результате интересы компаний будут защищены полнее – ведь ни один ущерб, причиненный недобросовестными менеджерами, не останется без потенциального истца, способного обратиться в суд. Одновременно будет сохранена устойчивость корпоративных отношений, так как суды будут вооружены критериями и не допустят беспочвенных исков. Таким образом, российское корпоративное право сделает шаг вперед в своем развитии, обеспечивая баланс между принципом самостоятельности юридического лица и необходимостью эффективно защищать права собственников на всех уровнях.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197 (дело ЗАО «Аспект-Финанс»).
4. Определения Судебной коллегии ВС РФ от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 (дело А40-219032/2022).
5. Вардаян Д. Защита прав бенефициарных собственников: проблема применения в России множественных косвенных исков // Адвокатская газета, 01.04.2022, № 7 (276).
6. Кантор Н. Е. О двойных (множественных) косвенных исках бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных корпораций // Журнал «Закон», 2024, № 8, с. 133–145.
7. Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал Российской школы частного права, 2019, № 2.

8. Chichakyan R.A. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права, 2018, № 5.
9. French Commercial Code (Code de commerce) – Art. L.225-252. – (Французский коммерческий кодекс, статья L.225-252).
10. Delaware Supreme Court, case *Lambrecht v. O’Neal*, 3 A.3d 277 (2010).
11. Corporate and Securities Law — Section 14(A) Violations — Ninth Circuit Enforces Forum Selection Clause Blocking Derivative Suits // *Harvard Law Review*. — 2024. — Vol. 137. — C. 2080–2087.
12. Pagnucco J.-Ch. Retour sur le caractère prétendument subsidiaire de l’action sociale *ut singuli* // *Bulletin Joly Sociétés*. — 2025. — № 7-8. — C. 26–30.
13. Lecourt B. Action sociale *ut singuli*: désignation obligatoire d'un mandataire *ad hoc* en cas de conflit d'intérêts // *Revue des Sociétés*. — 2023. — № 4. — C. 223–225.

Double Derivative Actions in Russian Law: Current Issues and Development Prospects

Aleksandr K. Stepanyants

Student,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stepanyants.a@gmail.com

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of double derivative actions in Russian corporate law. Using comparative legal methods and examination of judicial practice in Russia, the United States and France, the author investigates the legal nature of claims filed by beneficial owners or parent companies on behalf of subsidiaries. The study reveals significant gaps and contradictions in current regulations that limit effective corporate control mechanisms. It demonstrates that the formal prohibition of such actions deprives corporate structures of an important internal governance tool. The author proposes incorporating multiple derivative actions into the Russian Civil Code, introducing mandatory "demand" procedures and good faith procedural filters to balance corporate interest protection with abuse prevention.

For citation

Stepanyants A.K. (2025) *Dvoynye kosvennye iski v prave Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy razvitiya* [Double Derivative Actions in Russian Law: Current Issues and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 168-182.

Keywords

Derivative actions, corporate law, corporate control, beneficial owners, parent companies, subsidiaries, demand procedure, good faith, comparative law.

References

1. Code civil de la Fédération de Russie (première partie) de 30.11.1994 № 51-FZ (Ed. du 08.08.2024).
2. Code de procédure d'arbitrage de la Fédération de Russie de 24.07.2002 № 95-FZ (Ed. de 01.04.2025).
3. La décision de la chambre Judiciaire sur les différends économiques De la cour suprême de la Fédération de Russie à

-
- partir de 31.03.2016 № 305-ES15-14197 (cas de JSC «aspect-Finance»).
4. Détermination carte Judiciaire des forces armées de la Fédération de Russie à partir de 16.11.2023 № 305-ES23-13487 (cas A40-219032/2022).
 5. Vardanyan D. Protection des droits des propriétaires bénéficiaires: le problème de l'application en Russie de multiples réclamations indirectes // journal d'Avocat, 01.04.2022, № 7 (276).
 6. Cantor N. E. sur les réclamations indirectes doubles (multiples) des propriétaires bénéficiaires dans l'intérêt des sociétés contrôlées // journal of Law, 2024, n ° 8, pp. 133-145.
 7. Belova M., Makin R. réclamations indirectes Doubles (multiples): un aperçu relativement juridique et quelques considérations sur les perspectives de l'institut en droit russe // Journal de l'école russe de droit privé, 2019, n ° 2.
 8. Chichakyan R.A. Indirect claims: Comparative legal analysis of France, Italy and Russia // Bulletin of Civil Law, 2018, No. 5.
 9. French Commercial Code –Commercial Code) - Art. L.225-252. - (French Commercial Code, Article L.225-252).
 10. Delaware Supreme Court, case *Lambrecht v. O'Neal*, 3 A.3d 277 (2010).
 11. Corporate and Securities Law - Section 14(A) Violations — Ninth Circuit Enforces Forum Selection Clause Blocking Derivative Suits // Harvard Law Review. — 2024. - Vol. 137. - P. 2080-2087.
 12. Pagnucco J.-Ch. A look back at the allegedly subsidiary nature of social action *ut singuli* // Bulletin Joly Sociétés. — 2025. — № 7-8. - P. 26-30.
 13. Lecourt B. Social action *ut singuli*: mandatory appointment of an ad hoc representative in the event of a conflict of interest // Revue des Sociétés. — 2023. — № 4. - P. 223-225.